

Ирен ТАСАЛОВА

Утро

Разбуженное шумом утро
Сочится в дом,
И квинтэссенция абсурда
Везде, во всем.
В обескураженном пространстве
Рожденный день
Для ошалевшего мещанства –
Прицел, мишень.
Из разговоров –
                                кривотолки,
Все – по грошу.
Я плесенью бетонных блоков
Дышу, дышу.
Мешая правду и неправду
И чистый спирт,
Лечу душевную подагру,
Ее артрит.
Чуть незаметнее уродство,
Черней зрачки,
И не стихи, а рифмоплётства –
Из-под руки.

Уходя

Уходя, выключайте свет
И плотней закрывайте дверь.
Тем, чего номинально нет,
Не пополнить ряды потерь.
Это просто, как дважды два –
Там, где холод, едва ли дом,
И уж точно совсем беда,
Если холодно быть вдвоем.
Если учишь себя молчать
И давиться полынью слов,
То придется в конце признать:
Это точно уж не любовь.
Если тонешь в рутине дел
И не хочешь смотреть в глаза –
Значит, где-то недосмотрел,
Значит, нужно идти назад.
С терпким привкусом табака
Мысль рождается в тишине.
...Если смотришь издали,
То картинка всегда ясней.

Ночью

Селена в трауре над темною водой,
И ясный лик ее под черною вуалью –
Она на небо царственной вдовой
Взошла сиять со скорбью и печалью.
Своя у царской скорби красота...
Мне отвести глаза не позволяет
Морская гладь – могильная плита,
Что в траурном сиянии мерцает.
Великую тоску не превозмочь –
Всех слёз земных единое начало.
Свою любовь оплакивает ночь,
А я уже и плакать перестала.

***

Шальная птица мечется по небу,
Крыла ударом воздух рассекая.
Подброшенный, блестит на солнце жребий –
И ничего по сути не решает.
Зима блаженно луч игривый ловит –
С чужого платья золотую ленту,
Уже совлечены ее покровы
И отданы на развлеченье ветру,
Что вечно юный и небережливый...
Он дразнит в небе сбившуюся птицу –
Когда ей суждено уже разбиться,
И вертит, вертит жребий нерадивый.

***

Что сделало с нами незримое время –
Мы были другими, мы стали не теми.
Поступки разумны, покой неизбежен;
Скандалы всё тише, разлады всё реже.
Мы знаем друг друга – заскоки, привычки,
И взяты в итоге друг другом в кавычки,
Но это неважно, зато не тревожно.
Всё правда – ничто не считается ложным.
Уже безразлично, орёл или решка,
Теперь только прямо, и лучше не мешкай,
Суди по себе – это значит, нестрого.
Иди, лишь идущий осилит дорогу,
Бросая в кювет разногласий остатки,
Ненужные салки, ненужные прятки.
Пусть смысл меняет привычное слово...
Мы оба болели – теперь мы здоровы;
Теперь не страшны никакие недуги,
Мы больше, чем просто (улыбка) супруги.
Ты знаешь, на что это, милый, похоже? –
Мы оба лежим на прокрустовом ложе.

***

Коснись меня, как дочери, рукой,
Фригийский царь с ослиными ушами,
Чтоб я была отныне золотой
На постаменте и над головами
Всех тех, кого пленяет блеск
И гладкость полированной монеты,
До той поры, пока бы не исчез
Последний пленник золотого света.
Такой исчезнет под конец времен,
Просеянный сквозь праведное сито,
Но сколько бы пришло их на поклон
До той поры. И златоокий идол
Стоял бы молча надо всем мирским,
Кусок металла над разверстой бездной,
Безжизненный, но надо всем живым,
Такой неверный, но предельно честный.
Коснись меня, безудержный Мидас,
Твоей руке я буду только рада –
Чтоб блеск мой драгоценный не угас...
А людям, знаешь, большего не надо.

Скажи

Скажи мне, что всё не зря,
Что все не напрасно.
Мы в рабстве календаря,
И я непричастна
К стремительной смене дат.
И крикни вдогонку,
Что ты мне, как прежде, рад,
В материях тонких;
Что имя мое во рту
Осталось нетленно;
Что я до тебя дойду
По плёсам Вселенной.
Пусть свет ее геммы тускл
В условных значеньях,
Читай меня наизусть
Во мраке затмений.
Чекань меня ритмом слов,
Стихов, как молитвы,
Как будто уже готов
Проигрывать битву
С листками календаря,
И сдать их власти.
Скажи мне,
                    что всё – не зря,
Что всё было –
                    к счастью.

Познание

Там яблоневый сад –
  где ты,
Где я, где вкус грехопаденья.
Порочное соединенье
Ничем не скрытой наготы,
Цвет яблонь девственно белёс,
И чуждый всякой брэнной плоти,
Когда в твоих руках поводишь
Моих распущенных волос.
Где аспид меж ветвей ползет,
И замолкает в страхе птица,
В ладонь твою легко ложится
Познания округлый плод.
Сочится спелых яблок сок,
В саду безмолвном и смущенном.
В своем дыхании неровном
Отныне ты не одинок.
Вот истина –
  она проста:
Где я, где ты,
  как зверь, тревожен,
Плутая по прохладной коже,
К моим устам твои уста
Прильнули, не найдя покоя,
И наугад блуждают снова...
Одно дыхание –
  без слова –
Мое лежит перед тобой.
Роняет яблоня века,
Приблизив времена к развязке,
Где, со слюной мешаясь вязкой,
Любовь стекает с языка.

***

Еще одна кровавая эпоха,
Еще виток – сужается спираль.
Я слышу птичье пение сквозь грохот,
Сквозь друг о друга бьющуюся сталь.
Сквозь шум турбин и гусеничных ляггов,
Сквозь камнепад разрушенных домов
Я слышу, как скворец терзает связи
И соловей поет для мертвецов.
И песня эта день ко дню не глуше –
От сотворенья мира до конца.
Скажи, Господь,
  зачем ты лечишь души
И оживляешь мертвые сердца?..

***

Эта жизнь – расстояния
между встречами.
Бесконечным днями я
искалечена.
И конца не видать –
время щедрое,
дальше буду считать
километрами.
Ты же любишь, чтоб было
по-честному,
чтобы тело забыло
телесное,
чтобы все подчинялось
духовности...
Остальное – лишь малость,
условности.
Нам слепые сивиллы
пророчили:
мол – отныне вовеки,
и прочее.
Если б знал ты, как трудно
мне верится.
Все у нас (пусть попутно...)
имеется.
Не хватает лишь капли,
лишь малого:
чтобы ночью тебя
обнимала я...

Посткриптум

И когда-нибудь, где-нибудь на берегу океана –
Тихого, полного мудрости всех времен,
Новой живой материей станут раны
И не спящий рассудок окажется удивлен.
Утомленное око зажмурится от рассвета,
Ровно струны меридианов разрежут ночь,
Из которой однажды решают сбежать поэты,
Продолжая ее везде за собой волочь.
Пусть нелегкой наукой нам будет по одиночке
На просторах заокеанских вразлад гулять.
На чужом языке не улягутся гладко строчки,
На моем языке их не станут уже читать.
Никого не узнаю я в ответах зрячих окон,
А от прежних –
          безглазых –
                          я сделаюсь далека...
Намотает на тонкий палец пшеничный локон
Океанской волной зацелованная рука.